

ЧЕРНОГОРИЯ НА ДАЧЕ

ДЕСЯТЬ ЛЕТ

РУССКОЙ КОЛОНИИ

НАТАША БАРБЬЕ, «МЕЗОНИН»

«Это моя деревня», — подумала я. И купила домик под огромным лимоном, сквозь ветки которого ослепительно-равнодушно шевелилось море

— Эта деревня называется Лиман — это просто окраина города **Ульцин**, что на самой границе Черногории с **Албанией**

Корова медленно и печально объедала ржавый автомобиль, застрявший в кустах, казалось, еще в середине прошлого века. Из ближнего дома вышел наш будущий сосед в байковых трусах, лениво подтянул их и сел в этот музейный экспонат. Корова так же печально переключилась на куст терновника. Машина взревела, как раненая, и поехала со скоростью осла. Быстрее и не смогла бы: тогдашние дороги так и назывались — «ослиные тропы», по крайней мере, в муниципальных документах.

«Заведу осла», — подумала я. «Я сошла с ума», — подумала я. «Это моя деревня», — подумала я. И купила домик под огромным лимоном, сквозь ветки которого очевидно, нагло, ослепительно-равнодушно шевелилось море. Моря было так много, что размер участка — 200 метров — и размер домика — 42 метра — были уже несущественны. Жизнь прекрасна — разве не так назывался фильм Кустурицы? Все тут было «кустурицей»: и завтрак из свежего хлеба с «младым сыром един дан» (то есть местной моцареллой), помидора (который тут символично называют парадаиз), сладкой луковицы и стакана местного совињона (пить можно), и отсутствие нормального пляжа, вследствие чего в море надо съезжать на попе с покатої скалы, и курятник, который сестра местного батюшки развела прямо под стеной старой крепости, у кладбища, и бар для местной молодежи, который брат батюшки же оборудовал в сарайчике прямо у церкви, чтоб далеко не разбегались...И местный олигарх в майке-алкоголичке, разъезжающий по деревне на мотоцикле (нет-нет, у него и костюм есть, и Mercedes, но летом, да в жару, что может быть удобнее?). И звуки! Я даже не про невероятные закаты под Малера на террасе у Полины Осетинской, и не про сумасшедший духовой оркестр, который под Рождество ходит из бара в бар, беззастенчиво выдавая народ-

ное за Бреговича, а Бреговича — за народное... Звуки в саду — если вдруг захотелось спать под лимоном: сначала слет диких кошек вокруг миски с молоком, потом уверенный топот крупного ежа, громыханье миски, фыркание ежа на соседского пса, который тоже пришел вылизывать миску, в четыре утра безжалостное пенье птиц, а с рассветом — оркестровое занудство цикад. Спать невозможно, зато всю ночь в августе падают звезды. А если черногорская сборная выиграла что-то у кого-то, то радостно стреляют в воздух. Был даже случай, когда в крыло взлетающего самолета попала пуля — обошлось: просто свадьбу гуляли в окрестностях, обычное дело...

Деревня наша называется Лиман, и, в сущности, это просто окраина города Ульцин, что на самой границе Черногории с Албанией, и потому живут здесь в основном албанцы. Это не пугает. Мечетей, естественно, больше, чем православных церквей. Прожив тут десять лет, более или менее понимаешь всю сложнейшую ткань этого ковра, его изнанку: есть и католический собор (есть и албанцы-католики), и мифическая, но и реальная меж тем могила кабалиста Саббата Цви, умершего здесь в ссылке (факт!), и сама старая крепость Ульцина, описанная еще Тацитом, — это же древняя Иллирия! В картах Ватикана есть Ульцин, что естественно. Именно эти земли — от Которского залива до Ульцина включительно — почти тысячелетие были буферной зоной Византийской империи. Да что Византия! Бери глубже: основание крепости — циклопическая кладка едва ли не времен микенской Греции. Дикие пиратские края, невольничий рынок, где отбыл свое Сервантес, приметы венецианского владычества в рельефах каменных львов, османская архитектура, полуразрушенные сербские монастыри чуть ли не XII века... черногорские партизаны — кажется, что

